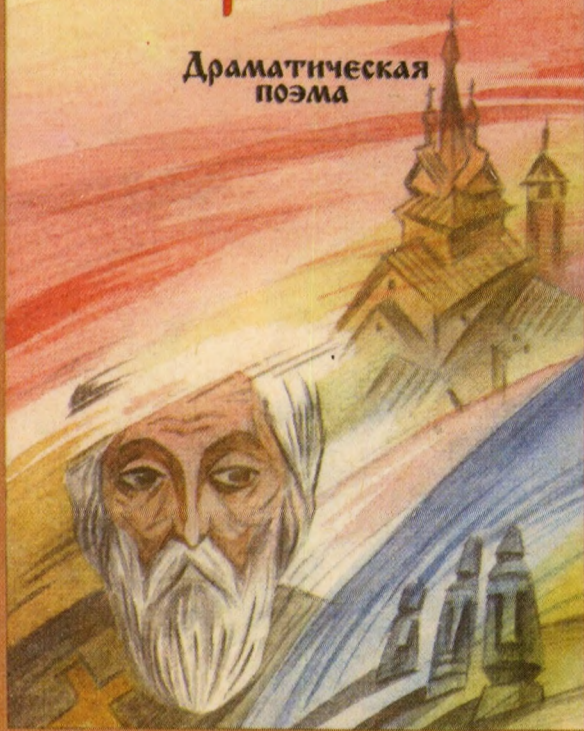

84 2рос6-5
Р24

Андрей
Расторгчев

УСПЕНИЕ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Драматическая
поэма

1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

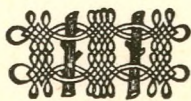
15/10 Савсем

3 ТМО Т. 1 млн. 3. 723—90

0207

Андрей
Расторгчев

УСПЕНИЕ
Стефана
Пермского

Драматическая
поэма

083713

Сыктывкар
Коми книжное издательство
1996

Сыктывкарская
ЦБС

*В глубинах чащи непролазной,
вдали от населенных мест,
недоброй суеты и сглаза
лежит во мхах*

Стефанов крест.

*За пеленою дождевою —
дыханье снеговых пелен...*

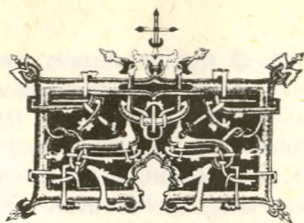
*Его обходят стороною
червоточение и плен.*

*Идет отсчет седьмого века,
но так же буквами обвит
он в ожиданьи человека,
что путь к нему возобновит
и перечтет, огонь и воду
преодолев по краю тьмы,
как вынести бремя*

небосвода

и Святогоровой сумы...

К ДУХОВНЫМ ВЫСОТАМ

С той поры идет уже седьмая сотня лет.

За это время земная даль словно сжалась, и человек отдалился от солнца и ветра, дождя и снега, воды и огня. Но так ли уж изменился он? Так ли уж переменились те вопросы, что задает он себе?

Как и нынче, — иных на Руси, видно, и не бывает — та пора была смутной. Но даже считая годы, оставшиеся до светопреставления, «назначенного» на конец следующего, XV века, люди растили хлеб и рожали детей, ратоборствовали и строили. И вновь и вновь, сплетая славянские, угро-финские и тюркские корни, собирався с доброю силой народ, единый общемою судьбой и православною верой.

Именно из той поры в нас перешли образы Дмитрия Донского, митрополита Алексия, преподобного Сергия Радонежского... Именно здесь — истоки творчества младшего их современника Андрея Рублева. И то, что православная церковь почитает этих людей святыми, только разжигает стремление увидеть их в борении страстей, понять их путь к духовным высотам.

Почетное место в кругу этих людей по праву занимает пермский святитель Стефан.

Известий о рождении будущего апостола земли Пермской людская память не сохранила. Бесспорно только, что это было в первой поло-

вине XIV века. О последующем же повествует житие, написанное современником и частым собеседником Стефана Епифанием Премудрым.

Отец будущего святителя Симеон служил причетником соборной Успенской церкви в Устюге, тогда еще не Великом. От матери до нас дошло лишь имя — Мария.

Рано начав учение, мальчик всего за год освоил чтение и пение так, что, помогая отцу, мог служить чтецом и даже управлять хором во время службы. В 1365 году будущий просветитель принимает монашеский постриг и нарекается Стефаном в ростовском монастыре Григория Богослова. Потеряв к тому времени свое значение столицы богатого самостоятельного княжества, древний Ростов еще оставался духовным центром Владимирской Руси. Именно вблизи Ростова прошло раннее детство боярского сына Варфоломея, ставшего в монашестве Сергием Радонежским. Житие Сергия сохранило память о его духовной близости со Стефаном.

В монастыре была богатая библиотека. Не исключено, что Стефан смог выучиться нескольким восточным языкам. И уж во всяком случае усвоил язык греческий, на котором здесь издавна велось богослужение. Помимо прочего знание греческого наверняка помогло ему понять, каким путем шли Кирилл и Мефодий, создавая славянскую азбуку. И, составив в 1372 году пермский алфавит, будущий миссионер перевел на пермский язык некоторые богослужебные книги.

От первого селения вычегодских пермян Пырас, на месте которого при впадении Вычегды в Северную Двину находится нынешний Котлас, до Устюга было всего 60 верст. Соседствуя и тесно общаясь с христианами, пермяне наверняка были знакомы с начатками православия, а некоторые, возможно, и крестились. Конечно же, устои языческой веры были подточены и требовался только толчок.

Однако в подавляющем большинстве пермяне по-прежнему молились идолам, деревьям, солнцу, огню, воде, животным и прочей окружающей их природе. Одним из главных языческих кумиров было изваяние Войпеля, который, как считается, помимо северного ветра олицетворял и смерть. Желая умиловить истуканов, их рты и глаза мазали кровью жертвенных оленей...

За благословением духовным и поддержкою мирской Стефан отправился в Москву. Главенствовавший тогда в Русской митрополии за отсутствием митрополита епископ Коломенский Герасим посвятил его в иеромонахи, а великий князь Дмитрий Иванович, тогда еще не заслуживший на Куликовом поле прозвание Донского, снабдил охранной грамотой. Было это, вероятно всего, летом 1379 года.

Начав свою проповедь в Пырасе, Стефан поднимался по правому берегу Вычегды и постепенно дошел до места, где с нею сливается Вымь. Именно здесь был центр пермской земли, и здесь, повергнув идолов и срубив почитаемую язычниками священную березу, он построил первую деревянную церковь во имя Благовещения пресвятой Богородицы «в начаток просвещения земли Пермския, яко же и Благовещение спасения нашего бе начало».

Проиграв очный спор со Стефаном, главный его противник, верховный жрец и вождь пермян Пам ушел за Урал, на Обь. А поставленный зимою 1383 года митрополитом Пименом в епископы Пермские Стефан стал, по сути, не только духовным, но и мирским владыкой. Тем более, что «в отчину архиерееву» была отдана Усть-Вымская волость с пашнями и лугами. Передал великий князь епископу и дань с приезжавших в Пермь купцов и промышленников, что собиралась ранее в московскую казну.

Все эти средства вместе с пожертвованиями, собираемыми в ближних землях, шли на обустройство новых храмов и часовен, содер-

жание училищ и обителей. При церкви Благовещения, которая стала кафедральной, были устроены домовая Архангельский монастырь и странноприимный дом. В неурожайные годы Стефан помогал голодающим, обращался за помощью в Устюг и Вологду, добивался у великого князя уменьшения даней. Стефановы увещевания отвели от пермских земель новгородских ушкуйников, известных своими грабежами по всей Руси.

Четырнадцать лет (а если учесть года до поставления — семнадцать) длилось это служение. Зимой 1396 года Стефан вновь отправился в Москву по делам церкви и там, как пишет один из церковных историков, «от изнеможения не столько летами, сколько долговременными трудами и заботами, сделался нездоровым». От этого нездоровья 26 апреля того же года (по новому стилю — 9 мая) он и скончался. До великих потрясений и перестроек XX века его мощи сохранялись в Спасском соборе Московского Кремля...

Это лишь канва жизни. Шитье по ней было отнюдь не гладким. Откроем хотя бы «Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии...», изданные в Вологде в 1880 году: «...лучшие люди радовались и с уважением отзывались о проповеднике, а другие, напротив, говорили: для чего было изобретать новые письмена? Прежде не было грамотности в Перми, к чему эта новизна теперь? Если и нужна грамотность, то довольно русской, и называли блаженного Стефана не иначе как Храпом...»

То есть просто-напросто наглцом, нахалом. Не потому ли, кстати, до нас эти письмена в подлинном виде не дошли и известны лишь из нескольких позднейших списков? Только благодаря им удалось, к примеру, прочесть надпись на иконе Святой Троицы, хранящейся ныне в художественном музее Вологды. Прозванная «Зырянской Троицей», в XVIII веке она была пере-

несена в Вологодский кафедральный собор из Вожемской Троицкой церкви, куда ее, по преданию, вложил сам Стефан. Икона, несомненно, относится ко второй половине XIV века, а может быть, и написана самим епископом Пермским.

Перевод Писания на пермский язык, создание пермской азбуки могли, кроме того, повлечь за собой обвинения в отступлении от божественной истины, в ереси. Таким обвинениям подвергались пятью веками ранее все те же Кирилл и Мефодий — ведь до них богослужение велось только по-гречески и на латыни.

После того, как Стефан был рукоположен в епископы, могли начаться обыкновенные интриги. Из нескольких версий по поводу даты его рождения лично мне ближе та, согласно которой Стефан по возрасту был ровней великому князю Дмитрию. И в житии Пам называет его «молодым годами». А молодость — немалый повод для зависти тех, кто восхождение до «степеней известных» ставит целью своей жизни.

В том, что взаимоотношения церковных иерархов были далеки от благости, убеждает борьба за митрополичий престол, которая развернулась по смерти Алексия. Судя по всему — логика политиков неизменна — великий князь стремился иметь на этом престоле «своего» человека.

Таким человеком для Дмитрия Ивановича был, очевидно, его духовник Михаил, прозванный Митяем. Потерпев поражение на соборе русских епископов, в июле 1379 года Митяй выехал на поставление в Константинополь и, уже почти достигнув его, неожиданно скончался. В целом же церковное нестроение затянулось на десять лет.

На отношении к Стефану могло сказаться и ожидание того же самого конца света: до перьян ли — о собственном спасении бы позаботиться...

Но чего, наверное, не было, так это нынешнего московского пренебрежения к «медвежьим углам». Тем более, что влияние Москвы в этом краю, через который проходили пути новгородских ушкуйничьих экспедиций в богатую мехами Югру, имело большое значение в борьбе за подчинение Новгорода во имя единой и сильной Руси.

Народы, их властители и боги, духовность и политика — вечные темы. И вечный вопрос: благо ли то, что ты совершил в течение своей жизни? Вопрос, над которым по отношению к Стефану люди ломают копья и сегодня.

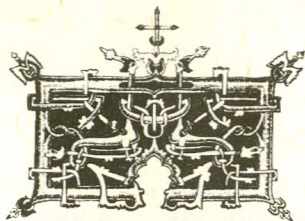
Раздумывая над всем этим, глубже познаешь величие подвига ратников, вышедших на Куликово поле.

И проникаешь в побуждения Стефана, главным оружием которого были Слово и Любовь к людям, что очень счастливо совпало с помыслами и состоянием души пермян.

И постигаешь душу Пама, тоже, думаю, посвоему желавшего добра своему племени. Хотя многое здесь уже относится к вымыслу автора на основе весьма скудных сведений о нем, почерпнутых из жития Стефана Пермского и некоторых иных книг.

Давайте же попытаемся, насколько хватит пронизательности, углубиться в эти не столь уж давние для истории времена...

А в т о р .

УСПЕНИЕ Стефана Пермского

*Драматическая поэма
в четырех действиях, с прологом и
эпилогом*

Действующие лица:

С т е ф а н — иеродиакон обители Григория
Богослова в Ростове Великом, впоследствии
епископ Пермский;

Д м и т р и й И в а н о в и ч — князь
Московский, великий князь Владимирский,
впоследствии прозванный Донским;

Г е р а с и м — епископ Коломенский;

П а м — верховный жрец и вождь пермский;

М а т в е й — отрок пермский;

Ж е н щ и н а — мать Матвея, в крещении Анна;

п е р м я н е - о х о т н и к и ;

ч е р н е ц ы .

П Р О Л О Г

25 апреля 1396 года
Московский Кремник, келья Спасского монастыря

С т е ф а н:

— В изнеможеньи тела —
высь души.

Исполнилось!

Оно изнемогает.

Но отчего, обещанной,
в себе

той выси я
теперь не ощущаю?..

Ужели столь я
Господу угоден,

что Он
уже зовет меня к себе,
в сонм избранных,
сидящих одесную?

Иль, может быть,
меня остановить

желает Он,
покуда я не выпил
досу́ха

чашу тяжкую греха?..

Но может ли
назваться прегрешеньем,

что свершено
во имя самого

Спасителя,
спасения во имя?

(Отворяет окно)

Апрель,

а ветер холоден, как лед.

Я чувствую твое дыханье,

Войпель!

Дыханье смерти

с пересохших губ,

что так давно
не освежались кровью.
Ужели
мною поверженных богов
года, сему
предсказанное мщенье
отныне ты
вершишь без сожаленья
и столько поприщ
по моим стопам
пронизываешь?

В о з н и к а е т П а м:

— Памятуешь?

С т е ф а н:

— Пам?!.

Я ждал тебя.

Не знаю, отчего,

но ждал

все эти медленные зимы,

когда я

при мерцании лучины

молился,

исповедовал,

учил

и азбукой,

измысленною мною,

священные слова

перелагал

на твой язык...

П а м:

— Присвоенный тобою!

Коварный Омэль

выучил тебя

словам,

одолевающим преграды.

Когда во тьме

чужой стучится в дом,

ему никто
в ночлеге не откажет,
но выше вдвое
пламя в очаге,
когда он говорит
на материнском
и отчете для хозяина
наречьи.

Степан...

В обличьи соболя —
медведь,
вредительница Ёма
в шкуре белки.
Хватило бы одной
каленной стрелки,
да не дали ей
вовремя слететь!

С т е ф а н:

— Но, мне сдается,
стрелы и тебя
в доме берестяном
не удержали,
хоть родичи твои
наверняка
колчаны да сумы
опустошили,
тебя в доме том
на́век уложив
и всю
утыкав густо остриями
сырую насыпь,
дабы ты обид
не мог вершить оставшимся
и горя,
в безмолвии
спускаясь по Оби

в жилища мертвых
к Дышащему морю.
Железом
наши споры не пресечь...

П а м:

— И смертью не пресечь,
как видно, тоже.
Поверженные
мне велят продолжить
с тобою не оконченную
речь...

С т е ф а н:

— Иль ты воскрес?
Но чудо воскрешенья
дано вершить
лишь Богу моему,
что Сына своего,
вочеловечив,
спасения во имя
человек
отдал на поругание
и муки.

И Сын его
воскрес на третий день...
А нам с тобою
сожидать в земле
назначено
пришествия второго,
когда во тьме
на суд последний нас
поднимет из могилы
трубный глас
и сбудется
пророческое слово...
Или уже сбылось,
и ты пришел
меня сопроводить
на исчисленье

вселенское
всех замыслов и дел?
Ужель отсчет неверен?
По нему
сто лет еще
до светопреставленья.
И разве
не архангел Михаил
отныне
исполняет волю Божью?

П а м:

— Я верую,
но ведаю ли я,
что за чертою
жизни человека?
Сырая ржа
изъела острия,
земля сползла
в бушующую реку.
Суровый Войпель
выхватил меня
из моего
источенного тела,
и на закат
за Камень полетел я,
гусиные ватаги
стороня...
И твой час пробил
воротиться в прах
и к нашему стязанью:
или — или.
В борении о людях
и богах
вода и пламя
нас не рассудили.
Поворотив
нетронутую пласть,
ты победил.

Но истина — далече.
Я потерял,
а ты обрел
лишь власть
над темною душою
человечьей.

Пойдем теперь
уведать заодин,
кто за чертой земною
господин.

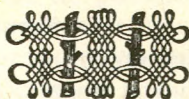
С т е ф а н:

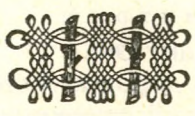
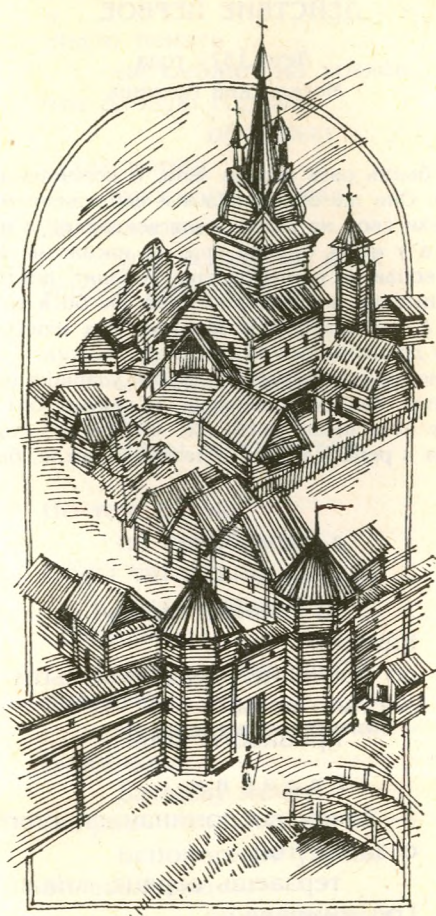
— Кто говорит,
что я не ведал страха,
когда в огне
охваченную избу
войти с тобою вместе
был готов,
кто говорит,
что я не ведал страха,
когда
во ледяные иордани
сойти с тобою вместе
был намерен —
не ведает меня.
Но этот страх
был сокрушен
желанием поставить
высокий дом Господень
на яру
широкой Эжвы,
медленно несущей
коричневые воды
темных парм
к Двине,
уже узнавшей имя Божье.
И как в Двине
мешается вода

083713

Выми и Эжвы,
Сухоны и Юга,
так пермь и русь
                                во имени Христа
могли бы меж собой
                                воединиться...
И не страшусь теперь,
                                когда предстать
перед очьми Его
                                настало время.
Но пуще страха
                                есть иное бремя —
сомнение:
а все ли благодать,
что свершено
                                во имя высшей цели?
Какая
на всеведущих весах
опустится из чаш,
                                когда наш прах
восстанет
                                из могильной колыбели?
Года
освобождаются от спуда.
Пожди.
Я нынче сам себя сужу...
                                П а м:
— До завтрашнего света.
  А покуда
над теремами
                                с ветром покружу...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Лето 1379 года
Московский Кремник

...И бысть рать велика зело, и поидоша за реку за Пиану. Они же оплошишася и небрежением хожаху, доспехи своя на телеги своя вскладаху, а инии — в сумы, а у иных сулицы еще не насажены бяху, а щиты и копыя не приготовлены. А ездят, порты своя с плеч спущаху, а петли расстегав, бе бо в то время знойно. А где наехаху в зажитыи мед или пиво, и испиваху до пьяна без меры...

А погании внезапу из невести удариша на нашу рать в тыл, бьюще и колюще, и секуще без вести. Наши же не успеха ничто же, что бы им створити, побегоша к реце к Пьяне, а татарове после, бьюще...

Д м и т р и й:

— Поистине —
за Пьяною пьяны!..
Упиться
до последней смертной сыти
достало всем
кровавого вина...

Г е р а с и м:

— Зачем воспоминанием опять
о злобе той
терзаешь сердце, княже?
Год миновал,
и в сече на Воже
нам даровал
великую победу
над Бегичем
всевидящий Господь.

Д м и т р и й:

— И видит Он:
из дорогих гостей

никто пенять
    не сможет на хозяев,
что алчную гортань
    ободрала
сухая корка
    русского железа.
Да засветло
    употчевать не всех
успели виночерпии,
    а утром,
кумыс тумана
    в травы расплескав,
не стали гости
    чары дожидаться...

Но тою ратью
    не пересеклась
Орды татарской
    жила становая.
Сбирается
    невиданная власть
под руку
    ненасытного Мамаю.
Возобновя
    Батыеву мечту,
смирняя
    непокорные улусы,
он возжелал
    тяжелую пяту
на горло
    осмелевшему урусу
поставить вновь
и в черные убрусы
закутать по-над Русью
    высоту.

Г е р а с и м :

— Неволею
    помянешь Калиту...

Не кровию,
    а пищей золотою
кормя с ладони коршунов,
крыла
опутав им серебряною сетью,
ордынского
    безжалостного клюва
он от Москвы
    удары отводил...
Примысливая
    новые уделы,
казну по гривне
    бережно копя,
он понимал,
    что время не приспело
слоमितься
древку ханского копья,
еще для силы русской
    не настала
великая
    рассветная пора.
И княжеские замыслы
                                скрепляло
смирение
    святителя Петра —
он засветил
    лампаду над Москвою,
избрав ее
    для вечного покоя...
Д м и т р и й:
— Дальнейшее
    предвижу наперед:
теперь помянешь
    дядю Симеона,
что,
хоть и звался Гордым,
                                но сумел

стать верным другом
хану Чанибеку,

и хан
великокняжеский ярлык
владимирский
оставил за Москвою,
когда волною черною
чума

семе́йство Симео́на
захлестнула...

И к памяти Алексе́я меня
ты снова обратишь:
он волостелем
земле московской
истинным служил,
пока отец мой княжил
и покуда
я рос
и в разум мужеский входил...

Г е р а с и м:

— И многое,
что пастырю возбранно,
для умиротворения,
во имя

всея Руси,
а не одной Московской,
Алексий
возложил на рамена...

Д м и т р и й:

— Довольно!
Память вечная на том
усопшему в тиши
митрополиту.
Святитель и властитель
ныне врозь,
и никому
не править надо мною!..

Я сызмала
у вас на поводке,
великий господарь
и князь великий —
на всех углах
указчики и тыки...
Довольно!
Ныне все в моей руке!..
Митяй уже, наверно,
за Окою —
торопится,
медливых беспокоя,
отринутый собором
иерарх.

Но ведает
вселенский патриарх,
что в непрестанной
всецерковной пре
он держится
на русском серебре...

Воротится
по цареградским плитам
мой духовник
моим митрополитом!

Г е р а с и м *(в сторону)*:

— Не то беда,
когда на княжий стол
восходит отрок —
мудрые в совете.

Всегда отцами
направлялись дети...

Беда,
когда он их не превзошел
и в слове,
изреченном поперек,
ему сокрытый
чудится упрек:

решил-де не по праву,
а по нраву...

О,
власти неизбывная отрава!
От Господа
обязан над тобой
главенствовать
наставник просветлённый,
во имя чистоты
освобождённый
от бесконечной
суеты мирской...
Да где сыскать меж праведных
провидца,
в ком Бог и власть
смогли воединыться,
для поприща,
где заповедь Христову
желая утвердить,
ее попать
подчас мы вынуждаемся
жестоким
течением поступков
и времен?..
Провижу я Отечество
в начале
великого смятения опять
и не могу
сему противостать.
О, сколь во многом знании
печали!..

Но днесь тебя хочу
от дел ордынских
и цареградских, княже,
обратить
лицом на север.

Иеродиакон
    обители Григорья Богослова,
что при Ростовской кафедре,
Стефан
    пришел ко мне
с молитвенною просьбой
в Заволочье
    его благословить
на светлый труд
    Христова просвещенья
доныне
    пребывающей во тьме
язычества
    перми повычегодской...

Д м и т р и й:

— Еще отец Алексий говорил
со мной
    об этом иноке ростовском,
так вознося,
    что надлежит едва ли
не саккос митрополичий ему,
простому иерею.
Оплошали
    противщики
стремленью моему —
далече от столиц
    передержали...

Г е р а с и м:

— Москва — не пуп Руси,
    великий князь.
Идущему
    стезею духовидца
иной престол —
    иная и столица.
Не званием,
    но знанием прельстясь,
он принял постриг.

Дважды семерица
годов с тех пор минула,
и ему
немного равных
сыщется меж нами
в проникновеньи
в глубь священных книг
и в эллинов великих
помышленья...

Д м и т р и й:

— И все это
решил без сожаленья
захоронить
в таежный потайник?

Г е р а с и м:

— Заглазно — блазно.
Выспроси назрячь.
Здесь я Господней воле
не толмач.

Д м и т р и й:

— И выпрошу!
Но прежде повести
мне
о его донынешнем пути.

Г е р а с и м:

— Недолог путь,
невдолге передам:
тебе он, княже,
ровня по годам,
из Устюга,
где с детства умудрен
изустному
и книжному канону
он был
соборной церковью Успенья
Пречистой Богородицы,
чей клирос

богоугодным пеньем
оглашал
причетник Симеон,
его родитель,
что
имени согласно своему
и впрямь услышал Бога,
если сыну
на постриг
не препятствовал уйти
в известную ученостью
обитель,
где отрок,
в силу разумом войдя,
пермянским языком
и письменами,
удуманными им,
переложил
моления
священной литургии...

(По зову входит Стефан)

Д м и т р и й:

— Я помню из Давидова псалма,
что пели нынче в утреню:
«Блаженны
живущие в доме Твоем
вовек...»

Почто его, Стефане,
оставляешь?

С т е ф а н:

— Да, лучше быть
у Божьего порога,
чем жить
в шатрах нечестия.

Но дом
Господень —
в устремлении моем.

И в нем я остаюсь,
идя в дорогу,
чтоб,
раздвигая прежние пределы,
ему воздвигнуть
новые приделы...

Г е р а с и м:

— Вот повести минувших лет,
откуда
и как пошла есть
Русская земля:
чудь, меря, весь,
мордва и черемисы,
земигола, литва,
печера, пермь —
народы Иафетова колена,
от века дань
дающие Руси...

Д м и т р и й:

— То ведаю.
Про белые, как лен,
их волосы
и очи голубые,
и зимние одежды
из бобров,
что князю впору,
сказывал когда-то
мне, отроку,
купец из Бухары.
А гость варяжский
после третьей чары
перелагал
рассказы давних саг
о капище
неведомой богини,
что над рекой и морем
на холме

сидит
и держит чашу золотую —
великую такую,
    что могли б
из чаши той
    четыре человека
одним напиться разом,
    и меха
несчетные
лежат вокруг подножья.

Г е р а с и м:

— Несчетные...
    Ручаюсь головой:
их перечли,
    едва закончив бой.
Уж если сага давняя,
    то ныне
уголье
на холме богини той...

С т е ф а н:

— Господь всемилостивейший
    велик.
Земля и человек
    меняют лик,
однако неизменны
    существо
и тяга
к заповеданьям Его.
Но этот край
    замешкался во мгле
неведения
    о добре и зле,
когда во славу Божью
    чередую
апостолы
    ходили по земле.
И нескончаем
    идольческий век

на побережьях
    полноводных рек,
покуда
не восславит над водою
деяния Христовы
    человек.

И тем
число немалое колен,
на вечное мучение
    и тлен
обрекшихся
    языческой божбою,
убережет он,
жертвуя собою.

Д м и т р и й:
— Пятнадцать лет
    мы пишем за Москвою
печорские
    и пермские места.
Все терпят
    харатья и береста,
но слово — прах,
    когда слабеют вои.
Весомее
    апостольская речь,
когда на чашу слова
    брошен меч.

С т е ф а н:
— От крови прилепиться,
    горяча,
к ладони может
    рукоять меча.
Но люди меж собой
    не единымы
ни воина рукой,
    ни палача.
Угрозою творимое —
    тщета.

Свет истины
железу не чета:
кому вручен от Бога
меч духовный,
не надобно
телесного щита.

Д м и т р и й:

— Мирское
не пристало чернецу,
идущему
к страдальному венцу,
но князю
помышлять о настоящем
и предстоящем,
думаю, к лицу.

За темнотой
чащобных переград
упорствует
надменный Новоград,
с Москвою соизмерь —
и половины
ордынских
не изведавший досад.

Ей —
страх ножом татарским
под ребро,
ему
рекой в бездонное нутро
по Вычегде
ушкуйничьи дружины —
закамское
соболье серебро.

И хоть с великим князем
уговор
давать в ордынский выход
черный бор,
без нахождения ратного
не двинут

и пальцем новгородцы
с давних
пор...
А и́наче
Руси не продохнуть.
И надо
сей новгородский путь
загородить
надежною плотиной,
в московские подклети
повернуть.
За это,
словно молодая рысь,
и сроднику
загривок перегрызть
готов я,
хоть единою полтиной
то серебро мне лично
не в
корысть...

С т е ф а н:
— Внук Калиты!
В шестой десяток лет
назад сему
так поступил твой дед.
Безмерная цена
безмерной цели —
Ростова
переломленный хребет.
В старинном граде ныне —
посмотри —
торг оскудел,
на пашнях пустыри,
величия былого
уцелели
осколками
одни монастыри...

Г е р а с и м:

— Со временем
стирается позор,
вновь зарастает зеленью
подзол.

Быть может,
разорение такое
в те годы —
наименьшее из зол.
Тогда еще близка
и велика
была угроза
ханского клинка,
взметенного
над русской головою
серпом луны,
крящим облака.

С т е ф а н:

— Не нам судить
над прахом Калиты
его дела
и тайные мечты.
Свершения ушедших
неизменны
и далеки
от нашей суеты...
Но прошлого
родимые черты
проглядывают в ней
обыкновенно.
И нам самим
назначено решать,
какие сохранять
и воскрешать,
какие — прочь
отбрасывать мгновенно
иль с кровию и болью
отрешать.

Г е р а с и м:

— В сем ратованьи
проку не зело.
Меч воину,
отшельнику стило
в десницу
провидение вложило.
Слова не хуже стали
рубят жилы,
когда они
обращены во зло.

Д м и т р и й:

— Но если меч за словом —
на добро?

С т е ф а н:

— Знать, силы должной
слово не имело
или струны глубокой
не задело.
Клинок из ножен вырвать
нехитро...

Д м и т р и й:

— Вы словно сговорились.
Что за дело —
уж нынче двое,
сколько заутро?

Г е р а с и м:

— Не гневай, княже —
лошади вразгон,
повозка дней
несется под уклон,
и все
неумолимые заметы
гласят:
не дале будущего лета
быть сече,
не бывалой испокон.

Один Господь лишь
ведает пока,
которая меж ратями
река
случится
и случится эту реку
проклясть
или прославить на века...

Белесые
людские костяки
для междуречья Волги
и Оки
обычны,
но пристойно ль человеку
благое имя
северной реки
связать
не со Христовою молитвой,
а с новою
безжалостною битвой?

Д м и т р и й:

— Доныне там
не видывали битв?

Г е р а с и м:

— Доныне там
не слышали молитв...

С т е ф а н:

— Мне голос был:
— Заветами Моими
отныне озари
лесную глушь,
где бродят сотни
заплутавших душ,
но даже
озарения во имя

ни словом их,
ни делом не порушь.
Пускай земное палище
в крови,
Я строю
обиталище любви,
прочней сего
ничто не сотворимо...

Д м и т р и й:

— Что ж,
Господи тебя благослови!
Иди, святы,
неси благую весть.
Увидимся ли сызнова —
Бог весть.

Давно приспело
тридесятилетним
на плечи взять
родительскую честь.
Пора смирить
мальчишескую прыть,
пора глаза глубокие
открыть,
творить на взлете,
может быть, последнем...

(самому себе, задумываясь)

...и вслух об этом
реже говорить.

(Прощаясь, расходясь)

Д м и т р и й:

— Поистине —
за Пьяною пьяны...
Гроза грядет
с ордынской стороны!

Г е р а с и м:

— По вере
и обличию богов

мы узнаем друзей
или врагов —
вот главные отличия
и скрепы
земель и царств,
народов и веков.
В округе ближней
и в чужом дому
единоверцы сердцу
и уму
роднее —
к ним невидимые сцепы
притягивают нас.
И потому
ступай, о чадо,
посреди полков
языческих
овцою меж волков,
перепояшась истиною
крепко
и дьявольских
не устрасаясь ков.
Ступай,
как перед судьями ступал
тебе ровесный
мученик Стефан,
когда
по фарисейскому поклепу
он от каменьев иудейских
пал.
Ступай,
да сохранит тебя Господь
и силой укрепятся
дух и плоть,
чтоб челноком израненным
на щепы
тебя каменьям
не перемолоть.

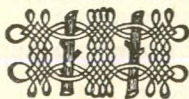
Ступай
смирненным пастырем овец,
неся огонь
на пермский поставец,
и за труды,
что праведны и лепы,
подаст Господь
святительский венец.
И да вовек отныне
не покинь
тебя Святая Троица.
Аминь.

С т е ф а н *(один)*:

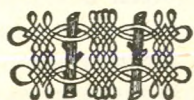
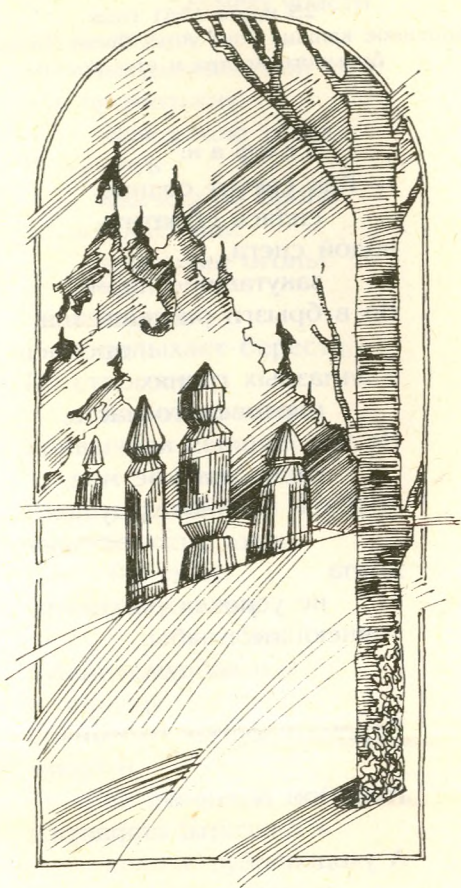
— Владыко Боже,
вседержитель,
молитву
выслушай мою:
заступник будь
и покровитель
в глухом
полунощном краю,
среди заблудших и неверных
оборони меня
от скверны
и дай мне силы
на краю.

Своею
всемогущей дланью
даруй им
радость пониманья
и приобщенья
ко Святой
Соборной Церкви.
Образ Твой
позволь узнать
несокрушимый,
недостижимую вершиной
явись

над темною толпой,
охваченной
    священной дрожью,
наставь
    на верную тропу
и мне,
    смиренному рабу,
дай послужить
    во имя Божье,
что прославляет человек
и ныне,
    присно
        и вовек!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

25 марта 1381 года
Разоренное капище близ устья Выми, слышны гул
большого костра и стук топора

С т е ф а н:

— Как светит солнце,
        сияясь обратить
водой снега,
        закутавшие парму!
Но в брызги рассыпается,
                                дробясь
в алмазных гранях
        мартовского наста.
Не так ли
        слово жаркое мое,
дробясь во многих душах,
                                остывает,
дотла
        не успевая растопить
темнеющие глыбы
        зablуждeнья?..

Сердца простых охотников
        и прях
глаголом Божьим
        я смягчить старался.
А уходил —
        и снова разгорался
огонь
на нечестивых алтарях.
Но я сюда
        намерился дойти,
где сходятся все реки
                                и пути —
лесной земли пермянской
        средостенье.

И здесь ответ,
                                сумею упасти
блуждающих
                                во дьявольской сети
иль промелькну
                                неведомою тенью.
И одолеть
                                языческую бронь
да пособит мне
                                яростный огонь!

Как жарко
                                полыхает береста...
По строгости
                                Великого поста
привычная секира
                                тяжелеет,
и все труднее
                                нанести удар.
Или вправду,
от бесовских чар
                                слабея,
руки дерево жалеют,
и вправду
                                истукановую плоть
железу
                                не по силам побороть,
а древняя береза
                                крепче дуба?
Иль идолопоклонники
                                не врут
и дерево
                                от дьявольских прокуд
срастается
                                на месте переруба?
(Присаживается на поваленного идола)
Стать пламенем
                                высокого костра

отныне, Войпель,
и тебе пора.
И ветер холодеющий —
не в помощь.
Просушенные давяю
древеса
скорее вознесутся
в небеса,
когда он
повернется на полнощ.
Прокопчены смолем
до черноты,
перекосятся
мрачные черты,
изведав сами
жар горящей печи.
Хранимая в нутре
бессытных жерл,
запузырится кровь
несчастных жертв:
оленых ныне,
прежде — человеческих.
В полымени и твой
нашелся пай.
Вослед своей собратии
ступай!

П о д р о с т о к (появляясь на опушке):
— Когда в погоню посланный
не слеп,
он ясно различит
мой беглый след...
От робости и снега
стынут ноги
и сердце
опускается во тьму.
Что, если
за пособие ему

мне отомстят
поверженные боги?
Смятение
раскалывает лоб.
Я меж богов,
как на развилке троп,
где бродят соболя
и росомахи.
За явленную прежде
доброту
благодарю
молящихся Христу,
но жертвую и Войпелю
во страхе.
Предупредить,
за доброе служба,
и самому
под лезвие ножа
отправиться
с покорностью овечьей?
Иль нет в небесном замысле
прорех —
чему бывать,
случится без помех?
Но ляжет на меня
великий грех
во принесеньи
жертвы человеческой...

(решается)

Степан!

С т е ф а н:

— Кто здесь?

П о д р о с т о к:

— Не время говорить.

Сюда идут охотники
убить

тебя

и войпелевы губы
дымящуюся кровью
окропить!

С т е ф а н:

— Идут? Что ж,
переправы сожжены...

П о д р о с т о к:

— И тетивы
уже напряжены.

Спасайся!

Промедление погубит:
собачий лай
и выкрики слышны...

С т е ф а н:

— И все же —
кто ты?

П о д р о с т о к:

— Просто сирота,
отмеченный
заклятием креста
его слугою в Устюге
два лета
назад сему...

С т е ф а н:

— Вот почему Христа
я вижу на груди
среди амулетов!

П о д р о с т о к:

— Сей оберег
вовсе не снимать
мне наказала
плачущая мать,
когда отец
разгневанным медведем
был искалечен...

С т е ф а н:

— Боже, это знак!
Ты снова подвигаешь
                    сделать шаг,
одолевая колдунов
  и ведьм...
Как наречен ты
                    во Христе?

П о д р о с т о к:

— Матвей...

С т е ф а н:

— И вправду Божий дар
                    в душе твоей!

М а т в е й:

— Не медли! Стань на лыжи
  и спасайся,
на ловкость и проворство
  положись.
Да наградят тебя
                    ногами зайца
все боги,
                    охраняющие жизни!

*(Поляна заполняется
  вооруженными охотниками)*

М а т в е й:

— Все прахом
                    устремленье вопреки!

С т е ф а н:

— Всевышний, помоги
  и укрепи!

*(Окружив обоих, охотники с криками
набегают на них и отходят)*

С т е ф а н:

— О, коми!
Даже власа не лишусь

без воли Божьей,
        не израню палец.
И потому от ваших стрел
                    и палиц
погибели
        нисколько не страшусь.
Что эта гибель?
        Миг — и бездыхан,
и недоступен ярости
                    и мести,
и надо мною
        в запредельном месте
не властен
        даже сам ордынский хан.
Которое мученье
        ни верши
над членами
        податливого тела —
все малогодно,
        ибо нет предела
мученью
        умирающей души.
О, братие!
        Поклонимся кресту,
душою обращаясь
        ко Христу!

Первый охотник:
— Неясный холодок
        ползет по коже,
все переверотилось
                    в голове...

Второй охотник:
— Стрела дрожит
        на тонкой тетиве,
но полететь в противника
                    не может...
Ну, хитрый ворон —
        хоть один замах!

С т е ф а н:

— Как будто
    помрачение в умах...
К чему,
творя кружение такое,
они кричат,
    не начиная боя?

М а т в е й:

— Нельзя ударить первому —
  закон
для коми
    с незапамятных времен,
и, злое огорчение
  терпя,
они хотят удара
  от тебя...

С т е ф а н:

— Всемилостивый,
    дай им устоять
и преступленья на душу
  не взять...

П а м:

— О, коми,
не клоните головы
и яростью великой
  не слабеите!
Я повелел:
    идите и убейте
незваного
    пришельца от Москвы!
В нем вижу зелье
    страшных перемен...

П е р в ы й о х о т н и к:

— Но Пам! Он безоружен
  и смирен...

Второй охотник:

— Испытанная
многими трудами
рука
держать устала тетиву.
Впервые в жизни
вижу наяву
бестрепетного
перед остриями!

Первый охотник:

— Недоуменье
стискивает вздох:
осквернена
священная обитель,
но дышит полной грудью
оскорбитель...

Великосилен
христианский Бог!

П а м:

— И сразу
подгибаются колени
и хочется
принять его покров?..
Из горла
годовалого оленя
я нынче пил
стремительную кровь,
кричал гагарой,
поклонялся соснам,
глядел в огонь,
не опуская век,
и ведаю,
что с хитростию послан
на землю коми
этот человек.
Ниспроверженьем
вековечной веры

и верности
отеческим богам
дорогу
для алкающих без меры
он пролагает
к нашим берегам.
За ним грядет
бесчисленная свита,
в его словах —
манящая мара...
От черного ль, как уголь,
московита
нам ожидать
бесплатного добра?

Уже доныне
многих заносило
ветрами в Эжву
с теплой стороны:
ушкуйники
показывали силу,
и требовали даней
тиуны,
и прочие находники
махали
руками,
угрожая в топоры.
Мы откупались
лучшими мехами,
и неспроста
в бушующее пламя
не бросил он
священные дары.
Бери, пришелец, их
и удались,
и с Богом христианским
поделись...

С т е ф а н:

— Сказал апостол Павел:
не своей

ищу корысти,
но для пользы многих,
дабы спаслись.

А потому...

Матвей,
бери-ка

самых лучших соболей —
обертывай

застуженные ноги.

Роскошные онучи сочиня,
сошьем тебе порты

и ноговицы.

А остальное

пусть испепелится
в утробе

ненасытного огня!..

Почто бледнеешь, отрок?

Отчего

себе не выбираешь

ничего?

М а т в е й:

— Отцами заповедано

навек

и скреплено вовек

подземным миром:

кто украдет

от данного кумирам,

окажется

калекой из калек...

С т е ф а н:

— Душой приняв

отеческий завет

за оселок для мыслей

и оружий,

наследнику
мучительнее нет
неправедность отцову
обнаружить...

Родителей
заботою почти,
у ближнего
и думою своею
не укради, —
скажу тебе, почти
как сам Господь
пророку Моисею.

На друга
не свидетельствуй по лжи,
что день седьмой
от сотворенья мира...
Но заповедью первой
положил

Господь —
не сотвори себе кумира,
не поклоняйся им
и не служи!..

Что ваши боги?
Истуканы суть,
творенные из дерева
болваны:
уста безмолвны,
груди бездыханны,
в очах незрячих —
дьявольская жуть.

И вороха наваленные
кож
достойны лишь седалищ
и подошв!

*(Собирает меха в охапку и вручает их
растерянному Матвею)*

П а м:

— Священные меха
идут на ступни?!

О, коми,
наступает скорбный час!
Страшнее чужака
вероотступник,
отысканный пришельцем
среди нас.

Не будет переметчику
поблажки,
отныне жизнь его
в моей горсти,
и гнев небес
неотвратимо тяжкий
лишь кровью он
сумеет отвести.

И ею укрепимся
в древней вере...

Ж е н щ и н а (заслоняя собой Матвея):

— Ужели глотка
пересохла вновь?
Ты сам подобен
алчущему зверю,
лакающему
жертвенную кровь!
Пресытись, видно,
содроганьем лани,
ты впиться ладишь
в новую струю.

Остановись!
Не выдам для закланья
последнюю
кровиночку мою,
до срока
погребальной золою
не дам насытить
летнюю росу!

Ты помнишь,
как запрошлою зимою
отца его
оставили в лесу?
В еде у нас
нехватка не бывало,
все ладилось в дому
и на дворе.

Лесную птицу
стрелами сбивал он
без промаха
с подоблачных деревьев.

Но перед ним,
надсаживая горло,
поднялся с ревом
матерой медведь.

И наве́к
горечь темная прогоркла
и отвердела
каменная твердь.

Он мог бы жить
над тихою рекою
хотя бы в половину
прежних сил...

Но ты, старик,
недрогнувшей рукою
охотников за то
благословил.

О, муж мой!
Ты покинул птичью стаю,
горючим камнем
канул в глубину!

И я теперь,
как черный ворон, граю,
лесной волчицей
вою на луно...

П а м:

— Ступая против
своего народа,

ты скверную себе
готовишь часть...
Безжалостна
    великая природа,
а мы —
ее ничтожнейшая часть.
Как зверь путей своих
                    ни изгибает,
не волен он
    избегнуть одного:
ущербные
    невдолге погибают —
решенное богами таково.
И сколь искусный в знахарстве
                    лечебник
ни складывал бы
                    костную щепу,
обузою
становится нахлебник,
не могущий
    вернуться на тропу...
Какая бы
ни грянула невзгода,
мы уделяем с кровлею
                    тепло
и пищу
детям —
    будущему рода —
и мастерам,
    хранящим ремесло.
Удел иных —
    страдание и холод.
Израненному
    их не превозмочь:
его добьют
    неутолимый голод
и долгая
    заснеженная ночь...

О х о т н и к и:

— Он прав...
На тропах жизненной охоты
всего страшнее —
выбиться из сил.
Не внемлют боги слабым...

П а м:

— Оттого-то
он сам его оставить
упросил.

С т е ф а н:

— Бог истинный
не ведает увечий,
что грех сей тяжкий
могут оправдать.
По воле Божьей,
а не человеческой
земную жизнь
нам даровала мать,
и поступаться жизнью
мы не вправе,
вмиг становясь
у адовых дверей.
В такой
противной Господу оправе
и вправду
недалеко до зверей.
Ступая по одной
жесточкой тверди,
мы заодно
купаемся в крови.
И возвышает нас
лишь милосердьё,
сопутное
божественной любви.
К чему
превозносимые проклятья,

кровавые приносы
                                для чего,
когда Сын Божий
                                даже на распяты
не проклинал
                                терзающих Его?
Когда
в толпы неумолимый жернов,
алчащий
                                человечьего зерна,
Его всеискупительная жертва
уже давным-давно
                                принесена?

Первый охотник:
— Видение
                                безумного припадка —
противнику отдаться
  без вреда?

Второй охотник:
— Но вспомни,
                                как лесная куропатка
охотника отводит
                                от гнезда...

Стефан:
— О, люди!
Обернитесь на дорогу,
по коей
вы блуждаете сейчас,
и обратитесь
                                к истинному Богу,
щадящему
                                и любящему вас!

Пам:
— О, боги!
Прекратите истечение
манящих слов
                                блажного чернеца!

Иль вы постановили
  до конца
нас провести
  сквозь это искушенье?
Что вы молчите, коми?

С т е ф а н:

— Утешенья
возжаждали
  отмякшие сердца...

П а м:

— Но я
не принимаю пораженья
и не склоню
  растерянно лица...
Ты говоришь напористо
  и раже,
наворотя
  словесной кутерьмы,
и слогом ловким
  души будоражишь
и бередишь
  нетвердые умы.
Но божьей силе
  есть иная мера,
иное назначенье
  для молитв.
И не твоя
  навязчивая вера
поддерживает нас
  во дни ловить
в болотах
  и под боровую кровлей,
во мраке чаш
  и свете березья.
И нашу
  удачливую ловлей
твои

обогащаются князья
и к золотоордынскому
порогу
слагают
многоценные дары...
Не твоему
излюбленному богу
созданием
обязаны миры.
С качаньем зыбки
древняя погудка
в нас перешла от дедов
и отцов

о той поре,
когда праматерь-утка
в безбрежном море
вывела птенцов.
То были двое братьев —
Ен и Омэль.
Взошла над морем
первая заря,
и первый сделал так,
что стало вдоволь
земли и леса,
птицы и зверья.
Тогда второй —
проказник и завистник —
сказал:
«Пускай родится ночь,
длинна
и беспросветна,
и над ней зависнет
тягучая
холодная луна...»
И стало так.
И новому зачину
другой зари
служила борозда:

Ен выдумал
    и вылепил мужчину,
а хитрый Омэль
    женщину создал.
Она была невзрачная,
                                    косая —
от зависти рожатся
                                    прах и тлен.
Да пожалел ее
                                    великий Ен,
живительным дыханием
                                    касаясь.

Однако,
чёрна ворона черней,
иная сила в ней
                                    передолила,
и дюжину
                                    рожденных дочерей
она по слову Омэля
                                    убила.

И почва, содрогаясь,
                                    поглотила
ее
на пропитание червей.
Но в мире нижнем
                                    сброшенному сметью
дается сила новая
                                    во мгле,
и вновь они,
                                    болезнями и смертью
оборотятся,
                                    проходят по земле...
Мужчине одиночество
                                    невместно,
он медленно теряет суть
                                    и стать.

И создал Ен
                                    прекрасную невесту,

и наказал
ее оберегать.
Да, верно,
червоточина соблазна
сокрыта
в сердцевине красоты.
Когда родоначальница
прекрасна,
то чьи в потомках
темные черты?

И вдаль
от человеческого раздору
желая свой
перенести престол,
поднялся Ен
на каменную гору
и на небо высокое
взошел.

А Омэль
потихоньку крался сзади
и, выйдя
из-за Еновой спины,
вторые небеса
над ним изладил
совсем неодолимой
вышины.

Но что
людьми творимые мерила
божественным
создателям небес?
И третье небо
землю перекрыло.

А Омэль —
на четвертое залез.
Потом явились пятое,
шестое —
безумный спор,
кто пуще верховен.

И, под седьмое
    подведя устои,
разгневанный,
    остановился Ен.

И молния
    блеснула в поднебесье,
и на́ землю
    обрушился злодей!
И бродят с той поры
    по лесу бесы
и соблазняют
    Еновых детей...

С т е ф а н:

— Когда среди бескрайних
    пермских пуш
звучит волхва языческого
    слово,

и в нем —
следы Писания Святого,
воистину ты, Боже,
    вездесущ!

К лесной земле,
    блуждающей в потемках,
опять обороти
    пресветлый лик!..

За твой рассказ
    о Еновых потомках
благодарю,
    упорчивый старик.

Теперь за мною очередь...
Вначале
земля была безвидна
    и пуста.

Стояла тьма
    над бездною печали,
и над водой
    в неслыханном молчаньи
один Господь лишь
    размыкал уста.

— Да будет свет! —
сказал Он.

И воочью
от света отделились
тьма и тень.
И свет назвал Он днем,
а темень — ночью.
Был вечер, было утро —
первый день.
— Да будет твердь! —
сказал Он.

И над бездной
она явила миру
купол свой.
И эту твердь
Господь нарек небесной.
Был вечер, было утро —
день второй.

Сказал Господь:
— Земля да производит
траву и древо,
сеющее сень,
и плод от них
по роду их исходит...
Был вечер, было утро —
третий день.

И создал Бог
огромные светила
и на небо высокое
возверг.
Заря границы ночи
возвестила.
Был вечер, было утро —
день четверг.

И сотворил Господь
животных водных —
от малых
до таких, что не задень,

и рыб,
и птиц,
в парении свободных.
Был вечер, было утро —
пятый день.

И в день шестой —
поистине великий —
земному населению всему
Бог создал человека
во владыки
по виду
и подобью Своему.
И не кровопролитные
сулитвы
охотника
наводят на следы —
плодами
отягчающей ловитвы
Господь вознаграждает
за труды!

Первый охотник:

— Два бога
сотворили мир один...

Второй охотник:

— Так, может,
Бог воистину един?

П а м:

— Да, речь твоя искусная
ловка.

На двое слов
ты отвечаешь низью
и, словно окунь,
вымазанный слизью,
скользишь
из грубых пальцев рыбака.
Откованное слово —
славный щит

от столь же славно
выкованных лезвий.
Но в деле
нет оружия бесполезней,
и спор
исхода тяжбы не решит.
А потому
пред множествами глаз —
заоблачных,
лесных

и человеческих
мы завершим
томительные речи.
Пускай вода и пламя
судят нас!

О х о т н и к и:
— Пускай решится все
в конце концов
священным испытанием
отцов!

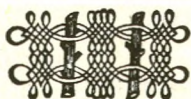
П а м:
— Здесь
давнее убежище мое,
где я всегда скрывался
от пришедших
во дни великих празднеств
и охот
склониться
перед щедрыми богами
и жертвенными шкурами
увесить
священную
березовую ветвь,
что ныне в снег
повержена ударом
лихого топора.
Они желали
внимать соборно

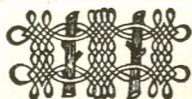
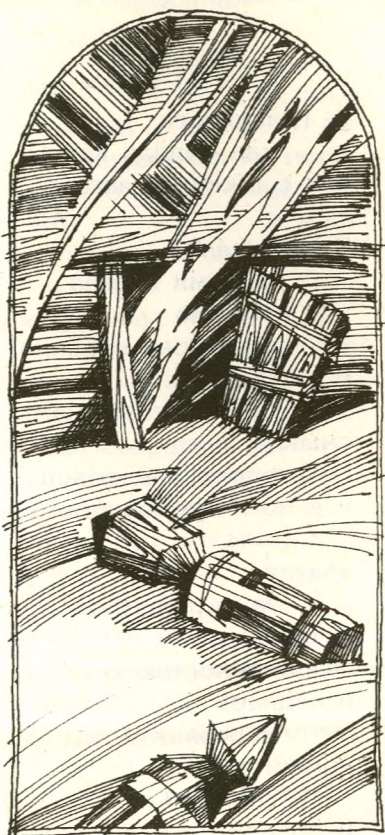
вещим голосам
всесильных духов пармы.
Но вначале
в те голоса
я вслушивался сам.
Когда с тобою
об руку рука
мы станем
под пылающую крышу,
ужель мой голос
духи не услышат?
Ужель
не заволнуется река,
узнав
об испытании жестоком,
и на огонь
стремительным потоком
не рухнут
снеговые облака?
Когда с тобою,
выйдя из огня,
мы спустимся
под корку ледяную
в несущуюся
толщу водяную,
ужели боги
не спасут меня?
Прошедший
будет прав...
Ты побледнел!
Желанье жить —
вот истинный предел
и мера
всех намерений высоких.
Отсюда
все питающие соки
и все истоки
помыслов и дел.

С т е ф а н:

— Да, здесь предел
для тела моего.
Оно помимо воли
бьется дрожью...
Но уповаю
на всеилье Божье,
Христова милосердья
торжество.
Любое
испытание приму,
подобно
первомученикам Рима!
То ль вера,
если сердцу и уму
страданье за нее
невыносимо?
То вера,
коль веление души
подымет
над слабостью тела.
Во имя Твоего, Владыка,
дела
дай силы
этот подвиг совершить,
слуги Господня
имя сохраняя!..
Охотники,
подайте же огня!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Усть-Вымь, паперть церкви Благовещения

М а т в е й *(восторженно)*:

— И занялось,
как сорная костра,
как сложенное загодя
смолище!
И заплясало
полымя костра
над кровлею
шаманова жилища!
И отшатнулся
помертвелый Пам,
смыкая
опаляемые вежды,
и в ноги преподобному
упал,
хватая
за окраины одежды,
и завопил:
— Свирепостью огня
и ледяной
мертвящею водою
намерился я
справиться с тобою
и посрамить навеки.
Но меня
ты, видно,
превосходишь ворожбою.
Все хитрости
я в жизни превозмог,
но все мои заклятия
и чары
не одолеют
гибельного жара,

не отведут
    стремительный поток...
А люди говорили:
— Старый лис,
уже ты изгибаешься
                                в погибель!
Не сам ли
    напросился на погибель?
Коль побежден, уверуй
                                и молись!
Тем обретешь спасенье...
Но в отказе
упорствовал
    невежественный Пам.
И лишь Христовым именем
                                Степан
не дал свершиться
    справедливой казни:
— Когда бы шел я
    мучить и карать,
привел с собою
    воинскую рать.
Но послан я
    с евангельскою вестью.
И потому
    другожды повторю,
что рук и сердца
    я не обагрю
кровавою
    неправедною мезтью.
Но, как мечом,
    да будешь отсечен
ты изостренным словом
                                приговора:
отныне и навеки
    отлучен
от нашего
    церковного собора.

Да разойдется свет
                    со злою тьмой,
законы
                    да отринут беззаконье,
и обернется
                    крепкою тюрьмой
закаменское
                    дальнее законье!
И, выскочив,
                    как молодой олень,
из рук,
по слову пастыря разжатых,
пустился Пам...
Так завершился день,
принесший
                    замечательную жатву.

С т е ф а н:

— Подобно
                    восхищенному невежде,
что горло
                    восклицаньями терзать?
Уже многожды
                    паводок на Эжве
с тех пор бывал...

М а т в е й:

— Просили рассказать...

С т е ф а н:

— Уже многожды
                    бурые медведи
переменяли
                    свой косматый мех,
многожды
                    беспокойные соседи
надеялись разжиться
                    без помех.
Тяжел мой крест,
                    о, Господи!

Почасту
натура перекашивает рот...

(Матвею)

Ты здесь еще?
К полуденному часу
со всей деревни
созови народ!

М а т в е й:

— Что повестить им,
преподобный отче?

С т е ф а н:

— Что испытанье
ждет их впереди.
Отныне пищей грубою...
А, впрочем,
сойдутся —
сам поведаю.
Иди!

А н н а:

— Что сотряслось
минутою меж вами?
Ты весь кипишь
водою на костре...

С т е ф а н:

— Твой сын
высокопарными словами
рассказывал
о той далекой пре.
Коль словеса
причудливо витые
да ныне
в житие перевести,
церковному собору
во святые
меня при жизни
впору возвести.

А н н а:

— Но в чем солгал он?
Я сама свидетель
плетенья годовых колец
и петель.
Ты в состязаньи
Пама одолел,
и древних изваяний
черный пепел
летел по ветру,
невесом и тепел,
покуда на огнище
не дотлел.
За Камнем умер
побежденный Пам,
хотя грозил:
— Степан, запомни —
вечен я!
И в память о победе
Божий храм
ты освятил
во имя Благовещенья.
Хотя монахи
на хвалы скупы,
дивясь,
как далеко тебе до старости,
митрополит
поставил во епископы
тебя
Московский и всея Руси...

С т е ф а н:

— Сын человечесий
множество осанн
возносит и пророку,
и пороку.
И сам собою
иерарший сан

не приближает
к Божьему порогу,
мятущейся вне истины
душе
лишь новые
приискивая страсти.
И вот она,
отравленная властью,
без власти
задыхается уже.
И несть числа
стремящимся к венцу,
и нет конца
бесчисленным крамолам.
Но что венец
простому чернецу,
отмеченному
Божьим произволом?
Не удержать престола
одному
в междоусобной
волостельной розни.
Обычную подпорой потому
я Пимену
занадобился возле,
где воедино переплетены
молитвы свет
и сутемь наговора.
И потому
из пермской далины
меня он призывает
на соборы.
Надежна привязь:
ныне и вовек,
услышав
почитаемое имя,
склонится
благодарный человек,

вознесшийся
заботами твоими,
покуда сердцем он
не покривит,
неправдою твоею
принуждаясь,
и трепетной души
не окровит,
от чувства своего
освобождаясь...

А н н а:

— Не гневай —
ибо женщина всего лишь я:
мне речь твоя горячая
смутна.

Но ведаю,
как истово ты молишься,
не оставляя времени
для сна.

В душе людской,
слезами орошаемой,
ты светлую надежду
водворил.

В голодный год —
беду неурожайную
ты житницы свои
порастворил.

Уже вошло
в предания изустные,
как московиты
по твоей мольбе
ладьи, зерном груженные,
из Устюга

по Эжве
волочили на себе.

Воразумила
мать Одигитрия,
почетная
повсюду на Руси,

тебя в Москве у князя
у Димитрия
от податей
ослабу испросить.
Из уст в уста
передаются повести,
как,
отвращая горестную рать,
ты вече новгородское
усоветил
ушкуйничью повольницу
унять.
Над молниями властвуя
и гулами,
с помощью иных
небесных сил
ты совладал
с оружными вогулами
и вятичей набег
остановил.

С т е ф а н:

— О, Господи!

В котором не разыщется
из новообращаемых к Тебе
в глуби укорененное
язычество,
диавольской доступное
татьбе?
Любви и добродетели
взыскупя,
Ты не дал
продолжения войне,
но силу не Твою,
а колдовскую
наивные
увидели во мне.
Сильнейшему почет
и угождение,

но свичные,
    как старые горшки,
удерживая в душах
        наваждение,
сокрыты в избах
    древние божки.
Вернее, мол,
    исполнится моление,
когда оно возносится
        двоим.
И сами сотворяют
        умаление
щедротам
    и даяниям Твоим.
Увы же
двоеверным человекам —
иду на пашню
    с новою сохой:
я напитал их мякишем
        и млеком,
отныне стану —
    коркою сухой!
Да убоятся нынче
        лицемеры:
кто более других
    исполнен веры,
хотя бы
у ближайшего дружка
пусть вызывает
    про тайного божка
и, если Божий гнев
        его страшит,
кумира принародно
        сокрушит
иль обличит
    скрываемую лжу —
такого похваляю
    и награжу.

А кто избежь
    задумает того —
я истреблю
    имение его!

А н н а:

— Ужели
    каменистое точило
минувших лет
    тебя ожесточило?
Словами,
изреченными в сердцах,
не пробудится истина
                                в сердцах.
Сомкни уста усталые
                                в замок,
ты просто в одиночку
                                изнемог
нести
первосвященническое бремя:
всегда среди людей
                                и в то же время
всегда немилосердно
                                одинок.

Исповеданьем
    тягость облегчи
и раненую душу
    излечи...

С т е ф а н:

— Матвеевы слова
    разворошили
то, что годами
    пряталось во мгле...
Миг одоления —
    сполох на вершине,
и тотчас
    опускаешься к земле.
Среди нагорных
    солнечных игорищ

насытиться бы радостью
  вполне,
да непременно
  горестная горечь
хоть каплею
  окажется на дне,
и к яству
  замешаются на блюде
неясные забота
  и вина.
Знать, оттого-то
  праздниками люди
не могут веселиться
  без вина...
О многом забывают
  очевидцы,
когда восторга им
  не превозмочь.
Настала
  благовещенская ночь,
и прежним изваяниям
  молиться
охотников
  немалая станица
за колдуном
  последовала прочь.
И, вознеся горе
  сухие пясти,
как будто
  вызывая ураган,
изрек
непокорившийся шаман:
— Да сокрушит его
  проклятье власти!..
Безбожный хищник
  Божьего улова,
овцою притворяющийся
  тать!

Смирение —

обычная уловка
сраженных фарисеев.

Кабы знать...

А н н а:

— А знал бы —

неужели начал с крови
священное пришествие
креста

и сотворенье
истинной любви,
завещанное
именем Христа?

С т е ф а н:

— Но видит Бог

и ведают стоустье
людской молвы
и каждый поворот
лесной Выми

от родника до устья:
он сам рассек на части
свой народ!..

Рубя узлы

языческих тенет,
готовый одолеть
любые пытки,

не ведал я,
как тяжело пригнет
служенье,
не вносимое во свитки.

И, может,
легче голову сложить,
перед грозою
не клоня колена,
чем год за годом
медленно служить

день изо дня,
не зная перемены.
А время перелома
и углы
выравнивает поздно
или рано.
Так дерево
натеками смолы
зализывает
рубленные раны,
и золото олифы,
почернев,
скрывает
благолепие иконы.
И очевидца
вольный перепев
приобретает
звание канона.
И, внемля
полуправому вранью
восторженных
матвеевых певаний,
испишет
дорогую харатью
в монастыре
премудрый Епифаний,
и пропоют монахи
литу.
И заслонит потоками
елей
печальные начала
века лютого,
когда всего на свете
тяжелей
хранить Христово
человеколюбие...

А н н а:
— Степане мой!

Покуда мы одни,
головушку заботную

склони.

Душой лесные запахи
вдохни,

от праведных трудов
передохни...

(поет)

Хоть малы цветочки,
да жарки.

Коротки денечки,
да яркие.

Коротки денечки,
да яркие
от любимого подарками.

Во подарочке приметочек —
в косы девьи

девять ленточек.

Гуси-птицы разлетались,
а мы с дружкой расставались.
Как мы с дружкой расставались,
косы девьи рассыпались.

Рассыпались темны волосы,
оборачивались полосы:
голубая —

голубикою,

огневая — земляникою,

брусевяная —

брусникою,

крашенинная —

черникою.

Ленту цвета воску ярого
среди морошки

потеряла я.

Запропала цвета зелени,
перепутанная зельями.

Лента алая узорная
вся шиповником изорвана.

А белесая полосыня
стала ягелем
  под соснами.
И осталась
  только черная,
ветром битая,
  крученная...

С т е ф а н:

— О, Господи,
  слышней Твои заветы,
и бесится от немощности
  бес,
не властный
  над пригорком
незаметным
на пограничье праха
  и небес,
где облако застыло
  на востоке
тяжелую ладью
  на мели.
Я чувствую,
  как плотские потоки
сливаются
  с потоками земли.
Соприкасаясь
  мягкою щекою
с упругими
  плетениями трав,
перестаю
быть малою щепюю
на всех
перекрещаемых ветрах.
Я — полотно
  небесной подоплеки,
зеленый под
  мирского естества.

По мне текут
бесчисленные реки,
во мне растут корнями
деревя.
Я знаю дух пожарища
и хлеба,
скольжение гадюки
и ужа.
И в ясное
просвеченное небо
бесплотная возносится
душа,
со дня сего
воистину свободна
от послушанья
в грешных телесах.
О, Господи,
когда Тебе угодно,
то удержи ее
на небесах...

А н н а:

— Остановись!
Упомни о народе,
обретшем в утешителе
вождя.
Сойдитесь, облака,
на небосводе,
верните душу
струями дождя!
Меня услышь,
о, Господи Иисусе!
Не время
постилать ему ковры.
Скрепи
его телесное соузе —
я принесу
великие дары...

С т е ф а н (*очнувшись*):

— Гляди,
как расходились комары.
Наверное, к дождю...

А н н а:

— Хваленье Богу,
тебя не отпустившему
в дорогу
в далекие
небесные миры!

С т е ф а н:

— Перед глазами —
полосы тумана,
как будто я
нанюхался дурмана
иль угорел
от чадного смолья.
Что, Анна,
ты содеяла со мною?
Почто лежу,
тяжелой головою
поникнув,
не тружась
и не моля?
Какое-то нежданное
затмение,
и силы нет
для крестного знаменья.
Не ворог ли вселенский
ворожит
и души человечьи
ворошит?

А н н а:

— Я знаю трав
бесчисленную многость.
Я возвращала зрение
и голос

блуждающим в потемках
и глуши,
и снадобий
заветные составы
творю
по заповедному уставу,
а зелья
для слабеющей души
не ведаю.
Но, может быть, основой
любви к человечеству
Христовой,
ее запечатлению
во кровь
тебе послужит
женская любовь?
Нам головы
задуманное сушит,
когда ему
исхода не дано.
Прошу — не останавливай,
дослушай,
что я сказать
замыслила давно...

«От искушенья, Господи,
избави,» —
ты просишь Бога
многие года.
Но суть людская
более забавы
познания
запретного плода.
Воистину:
доколе плоть упруга,
увенчана
плетенкою косы,
то — взапуски
по травяному лугу,

блестящему
от утренней росы,
и, тканое приданое
готовя,
задремывать
с веретеном в руке,
и нагоде
сливаться с наготою
в полуночном
купальском молоке...
Но сквозь повторы
годового круга
проведена,
в душе и во плоти
жена тебе — подруга
и подруга
в покос
и на охотничьем пути,
и заодно с тобою,
чередуюсь,
для нового
глубокого глотка
ко рту подносит
жизнетворный туес,
где яд неотделим
от молока.
Не сыщутся в такой
смиренье овна
и свежая
румяность пирога.
Но в ней горит
уверенно и ровно
питающее пламя
очага...
Не дышит полной мерою
калека,
не светит полной силою
луна.

И тот сполна
    возлюбит человека,
кто жизнь его
    изведает сполна.
(Склоняется в долгом поцелуе)

С т е ф а н:

— Да что... с тобою, женщина?..
    Постой!

О, Всеблагий —
    неведомое дело!

Восстало
    искушаемое тело,
дотоле
    усмиренное постом.

Находят
    грозовые облака,
а сердце —
    словно пойманная птица,
и праведным крестом
    огородиться

опять
не повинуется рука.
Срывается
    дыхание в груди,
и я — на волосок
    от прегрешенья.

Святая Богоматерь,
    огради!

Оставь меня,
    диавол искушенья!
(С усилием крестится)

Стихают
    растревоженные страсти...
Какая удивительная сласть,
избегнув
    неожиданной напасти,
вновь обрести
    утерянную власть

над собственной плотью,
и разом
порывами ее
возобладать,
и ощутить,
как омраченный разум
из тени
проявляется опять.
Спаситель!

Воздаянья не желаю,
будь милостив
к желающей греха...
Ты замерла?

А н н а:

— Расправы ожидаю...
Что я перед тобою?
Шелуха,
колеблемая воздухом
осока,
ветрами увлеченная
пчела,
помехой
занесенная высоко
мышлению
священного чела...

С т е ф а н:

— Глумленьем не укроются
смущенье
и тайный страх
предчувствуемых бед.
Однако не страшись.
На отомщенье
молитвы во Христовой вере
нет.

И что отмщать?
Протянутую руку,
открытие, что я —

лукавый раб
телес?
Мы исповедались друг другу,
да исповедник
оказался слаб.
Тебя ли перед Господом
охаять,
коль сам я
вождедением клоним?
Тебя ли за прельщение
окаять,
коль сам
не удержался перед ним?..

«Душа и плоть
едины в человеке,»—
ты молвишь
в оправдание любви.
Давным-давно
языческие греки
гармонии искали
меж людьми.
Плутая
среди запутанных вопросов
в краю
неостывающих ночей,
над тем же бился
эллинский философ
под сенью
осокоревых свечей.
И вознамерясь полностью
и вкупе
отведать,
что землей сотворено,
они богов молили
о заступе
и почитали женщин
и вино.

надеясь
на Господне поспешенье —
о потаканьи плотскому
забудь,
невольные
и вольные грешенья
в обители монашеской
избуди.

Доколь в душе
любовь твоя чиста,
стреми ее
на светлого Христа.

А н н а:

— На сем
твое решительное слово,
сомненья иссекающий
совет,
и нет иного
выбора земного?
Тогда...
и мне пути иного нет.
Пусть ярое
всевидящее око
горит передо мной
в монастыре,
страшнее
оказаться одинокой
сухарой
на горелом пустыре.
От помыслов телесных
отрекаясь,
в молитве неустанной
и посте,
душой с тобою
слиться попытаюсь.
Живи и здравствуй,
брате во Христе!

С т е ф а н:

— Живи и здравствуй...

Даже сердце сжалось.

О, сколько

в миг обрушилось один:

любовь и гнев,

смятение и жалость,

все — по края,

не зная середин.

Опять в груди

дыхание теснится,

сдавила душу

темная туга...

(Гремит гром)

Илья-пророк

везет на колеснице

Господний гнев

на скирды и стога.

Расшаяла

небесная лучина,

уголье полетит

того и жди.

Не то ли грому этому

причина,

что я решил содеять

впереди?

Всевышняя в зарнице

укоризна,

прозрение

грядущего греха

иль одобренья

сокровенный признак,

даруемая путнику

веха?

Не заживет ранение

без гною,

без топора

не выстроить ладей,

и не возмочь
любовию одною
святого
уверения людей.
Но следуя
исчадие хаоса
во сумраке
душевной глубины,
не выпущу ль
желанием доноса
иное воплощенье
сатаны?

(прислушиваясь к себе)

Да убоятся нынче
лицемеры:
кто более других
исполнен веры,
хотя бы
у ближайшего дружка
пусть визнает
про тайного божка...

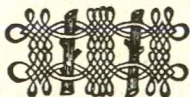
Проклятие
властительным дорогам,
где что ни перекрестие —
излом,
не выбор между дьяволом
и Богом,
а выбор между пагубой
и злом!

Легко уста
рождают обещанье:
мол, на душу греха
не

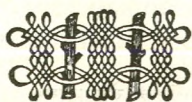
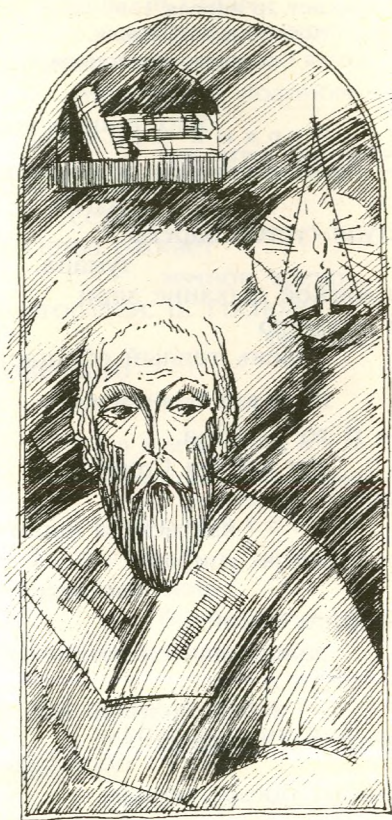
возыму...

Но мукою решить
необычайной,
что удержать
и волю дать чему.

Сомнение
страшнее зимней стужи —
телесным
    не укроешься щитом...
К полудню солнце выкатилось.
Ну же,
дай силы мне,
                    о, Господи,
на том!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Рассвет 26 апреля 1396 года
Московский Кремник,
келья Спасского монастыря

Первый чернец:

— Пронзительный полуночник
ослаб,
студя густое варево
тумана,
и мягкое дыхание зари
к полудню
ливень теплый обещает...

Второй чернец:

— И то — пора.
Уж завтра Симеон:
святое время
взяться за чапиги
и, в землю упирая
лемеха,
взорать сохой
заждавшуюся пашню...

Первый чернец:

— И, в чистые рубахи
облачась,
пойдут босые смерды
бороздами,
и потечет
янтарное зерно
с ладоней теплых
в жаждущее лоно...

Второй чернец:

— По-за ордынским
и литовским коном
какой бы
ни сбирался суховей,

секиру навостри,
но рожь отсей.
Глотнешь ли сталь
с погибельным поклоном,
пойдешь ли вдаль,
униженный полоном —
созревший хлеб
насытит сыновей.
Они подымут
сетевая отцов,
и снова оживет
земное чрево...
Благослови, о, Господи,
творцов
извечного
весеннего посева!
Первый чернец:
— Что преподобный ныне?
Второй чернец:
— Напролет
вчерашний день
бояре и монахи
шли за благословением
к нему.
И сам великий князь
Василий Дмитрич,
поворотя
с дороги на Смоленск,
лицо и душу,
стянутые стужей
и тяжкою
властительною нужей,
согреть успел
теплом его руки
и сердца,
где для ищущих основы
он находил
спасительное слово

молчит
великокняжая столица,
лишь ветер
да сторожи переклик.
И рядом в темноте
на половицах
из кlobука —
перекошённый лик.
Он говорит,
но голос неразборчив.
Он говорит,
но разума в том нет.
Несомые
неведомую порчей,
ночь напролет —
беспамятство
и бред...

Первый чернец:
— Возможно ли
остаться непорочным
приявшему
владетельный венец?

Второй чернец:
— И сном,
как милосердие, непрочным
под утро он забылся
наконец.

Прерывисто
нелегкое дыханье
великого
святителя перми...

Первый чернец:
— Всемиловитый Боже,
покаянье
и душу беспокойную
прими!

С т е ф а н:

— Испущенными солнцем
остриями
туманный студень взрезан
и пронзен.
Прекраснейшее вижу
из времен,
переходя
в неведомое пламя.
Смертельный
выдох Войпеля утих,
ослабли
дуновения геенны...

Что сей монах
проведал о моих
деяниях
и мыслях сокровенных?
Воистину:
властитель окаян,
людское почитание —
полуда,
и тяготы княжения
для люда —
глубокий
непросветный океан.
Но пусть удел
властителя увечит,
кроит и гнет,
лишь этот люд
его увековечит
иль проклянет.
Благую славу
он себе пророчит
иль долгий стыд,
лишь этот люд
навеки опорочит
или простит.

У памяти
    свои приемы,
свой ад и рай...

Но солнце из-за окоёма
выводит край.
Ужели
мой сопутник бледный
умчался прочь?

П а м:

— Сдается мне,
    что не бесследно
минула ночь.
Перед лицом
    клыкастой смерти —
не соложи —
в ходу
    совсем иные сметы
и рубежи...

С т е ф а н:

— У раскрывающейся двери
мне не к лицу
сводить прибыли
    и потери
равно купцу.
Судья верховный
    не сменился
моей судьбе...

П а м:

— Но, вижу я,
    ты усомнился
в Его Суде
и со тревогою во взоре,
морщины — рвы,
ты говоришь о приговоре
людской молвы...

С т е ф а н:

— Привыкши
попусту мерекать,
гляди сюда!
Коль совесть есть
у имярека,
в нем —
три суда.
Им уличеньем
каждый волос
и пыль с одежд.
И первый суд —
народный голос...

П а м:

— Молва невежд!

С т е ф а н:

— Да, этим судьям
не с иконы
пришло сойти.
У них особые законы,
свои пути.
Здесь доли блага
и соблазна,
костры и льна
не перетряхивают
разно
и дополна.
И можно,
полнясь чернотой,
белей холста
одной
высокою чертою
войти в уста.
Людоугодная наличень
навек твоя,
когда тобою
возвеличен

сам судия...
Дела недавнего покова
хотя возьми:
полки
на поле Куликово
легли костьми.
Победе
в небывалой сшибке
честь и хвала!
Но не возместьем ли
ошибки
она была?
И те кровавые потоки,
что пролиты,
не поминаньем ли
жестоким
от Калиты?
Когда
взамен переговоров
сверкает сталь,
расплата
за спесивый норов
не высока ль?
И, словно
отрезвленье свыше —
отместка зла:
нежданный натиск
Тохтамыша —
Москва дотла.
Но, чистясь
от кровавой грязи
и злой тоски,
народ
воительного князя
назвал —
Донским...
П а м:
— То ведаю:
когда их губишь,

ты им — кумир.
Так почему же ты
                        голубишь
весь этот мир,
почто,
                коль достигаешь зрением
глубинных ниш,
его
с медлительным презреньем
не отстранишь?
Коль человеческую память
скрепляет кровь,
не поуменьшилась,
                Степане,
твоя любовь?

С т е ф а н:
— Во озлоблении
                        отвергнуть
как я могу
те зеленеющие вербы
  на берегу,
земли
                предутреннюю дрему,
что столь сладка,
где облачение черемух —
как облака,
где все,
как солнышко разбрызнет
свой пересверк,
живет рождением
                                новой жизни,
берущей верх?!

П а м:
— Где Эжва
                медленно катится,
и я любил
послушать
                перелетной птицы

плесканье крыл,
смотреть,
    как на заречной плеши
встают стога,
когда о дерево
        очешет
олень рога.
Но видя устья
        и истоки,
всемирный быт,
уведал я,
        каким жестоким
он может быть...

С т е ф а н:

— И столь же грубы
        и убоги —
слега да жердь —
тобой излюбленные
        боги,
что алчут жертв.
Окровавлённые владыки,
туга и тлен,
и души скованы
        и дики...

П а м:

— А что взамен?
Являсь
        с неожиданностью рыси
как добродей,
чем просветил ты
        и возвысил
моих людей?
Не скоро ль души их
        увянут,
и в эти дни
какой молитвою
        помянут
тебя они?

С т е ф а н:
— Едва дотронулся
до сути
лесной народ.
Кого в наставники
и судьи
он изберет,
таков и путь:
среди народов
во свет зари
иль вновь —
изваянных уродов
на алтари.
И сатана
напустит морок,
смутится явь...
Молю, о, Господи:
будь зорок
и не оставь
людей,
что высмотрели в дыме
святую згу —
людей, что ныне
и моими
назвать могу!

П а м:
— Не ты один!
Меж именами,
убогих, нас
во полном титле
поминает
московский князь...

С т е ф а н:
— Соединяются народы
во окоём,
когда встречаются,
как воды,

в пути своем,
и, породнясь
        в единой вере,
находят ключ
        к широкой двери
в единый дом...

Семнадцать лет,
        а надо тыщи.
Дух — не трава.
Ростки пробились
        на огнище
едва-едва.
Издали первые созвуки,
свой благовест
новорожденные «аз-буки»
неся окрест,
чтоб окрещенные постигли
слова веков,
переплавляемые в тиглях
всех языков —
слова,
        что вопреки завету,
где кровь за кровь,
огня прибавили
        рассвету:
«Бог есть любовь!»
И даже бегшие упрямо
очей Христа
сказать могли,
взглянув на храмы:
«...и красота!»

П а м:

— Высокоречие умерь ты:
«Бог есть любовь...»
Перед собачьей мордой
        смерти
не кривословь.

Лихой толмач
                                небесных правил,
ответ яви:
всегда ли сам себя
  ты правил
по той любви?
Всегда ли
                                с кротостию сердца
по доброте
ты укорял единове́рца
  в неправоте?

С т е ф а н:
— Кому вовек
                                подвластен будет
людской содом,
тот все увидит
  и рассудит
своим Судом.
Его ни тяжбою,
                                ни битвой
не умалить —
лишь неустанною
  молитвой
передолить,
  . когда,
какого ни возлюбят —
раб или князь,
его отмаливают люди
  соединясь.
И станет
                                вескою защитой
на Божий взор
и даже может быть
  засчитан
их приговор,
но взора этого,
  доколе
душа молчит,

людской
не ощущая боли,
не умягчить...

П а м:

— Все то ж
        вияние улитки,
слизь чешуи.
Ты снова
        ускользаешь притко
из ячеи.
Но вся цена
        увертке ловкой —
ущербный грош.
Там в стороне,
        за поволокой —
не узнаешь?

Земные
        завершая сроки,
приди в испуг,
вспомнив
        бисерные строки
знакомых букв...

С т е ф а н (читает):

— И явился ему Господь у дубравы Мамре,
когда он сидел при входе в шатер, во время
зноя дневного...

Три ангела и чаша.
        Видит Бог,
я эти строки
        знаю назубок...

Палило
        солнце Ханаана,
когда
        из мари миражей
Господь
        явился Аврааму

в обличье
    троицы мужей.
Узрев
три высветленных лика
и поклонившись
    до земли,
им Авраам сказал:
— Владыка,
передохнуть благоволи!
Чела сожженные
    густою
листвой дубравы
    осени
и родниковую
    водою
омой
избитые ступни.
Хлебами
    в дальнюю дорогу
вы приготовите
    сердца
и насладитесь
    понемногу,
отведав
    нежного тельца...
Хоть Авраам с женою
    стары,
Господь ему
    пророчил так:
приду опять,
    когда у Сарры
родится
    мальчик Исаак.
Смеялась женщина
    упрямо,
но повторил:
    произойдет,
вам говорю,
    от Авраама

великий
избранный народ...

П а м:

— Узнал?
Для Вожемского храма
икону эту
сладил ты.
Не потому ль
у Авраама
твои мне чудятся
черты?
А в лике Сарры,
как ни странно —
для коего из трех
суда? —
черты тебя любившей
Анны
я замечая
иногда...

С т е ф а н (с иронией):

— Неоспоримая улика!..
Но злую радость
умали:
ты узнаешь
в овале лика
приметы
собственной земли!

П а м:

— Изобразя не лики —
лица
и вновь упорствуя
в гордыбе,
ты вынуждал людей
молиться
уже не Богу,
а себе!

ты жаждал
самооправдания
и покаянья моего?
Мой суд во мне
и горней дали,
в гореньи
вышнего огня!..

Но ветер слаб,
и не пора ли
тебе отвечать
от меня?

Смечай и далее
пороки
из поднебесной высоты.
Грозят
полуденные токи
теньям погибелью...

П а м:

— А ты?

С т е ф а н:

— Угодно Господу
служенье
продлить, наверное,
мое.

И отошло
изнеможенье,
и отлетело
воронье,
и врач неведомый
извлек кость,
ножом коловшую
в груди,
и —
удивительная легкость
и свет неяркий
впереди...

П а м:

— Не удивляйся:
                                возлетела
душа твоя от плоти
  вон,
и чернецы
                                над бранным телом
хвалебный справили
  канон.
И на заоблачной
                                равнине,
надежды жизни
                                хороня,
тебе, христианин,
                                отныне
не отлепиться
                                от меня!

С т е ф а н:

— Да,
над земною суетою
во средоточии миров
я слышу
                                пение святое
крылатых
                                ангельских хоров,
где меж небесными
                                стенами
приоткрывается окно.
И давней тяжбе
                                между нами
продлиться, видно,
  суждено.
Да видит Бог,
                                докучный друже,
чего от Господа
                                ни прячь,
перед Судом Его
                                не нужен

ни обвинитель,
ни толмач.

И даже
в адовое пламя
не надобен
сверхсчетный бес...

П а м:

— Но человеческая память
короче

памяти небес.

Одолевает в человеке
его животное родство.

В каком-то,
хоть двадцатом, веке
я отвоюю старшинство.

И с освеженными устами
восстанут

истуканы битв,

и ты перед Судом

предстанешь

без обеляющих молитв!

С т е ф а н:

— Перед открытыми
дверями,

покуда светоч

не потух,

Тебе, о, Господи,

вверяю

свой грешный

покаянный дух.

Во искупление

на ленту

пергаментную

занеси

мою умеренную лепту

в миростояние Руси.

Под опаленным небосводом,

какая б ересь
                                ни ползла,
дай устоять
                                ее народам
противу гибельного зла.
В неясный день
                                и темной ночью
перед лицом
                                любой орды
дай удержаться
                                в одиночье
от униженья
                                и горды...
Я пред Тобою,
                                как на блюде —
суди, карая
                                и гоня!
Не поминайте лихом,
                                люди,
и помолитесь
                                за меня...

Э П И Л О Г

А н н а:

— Я воздену
    плат старушечий
поутру
да заслышу
    плач кукушечий
во бору.
Во бору сыром
    на сосенке,
глянь — уже
на засеянной
                    полосыньке,
на меже.
От кочкарины-
                    болотины
на покос,
от околицы-
                    поскотины —
на погост.
Песня тягостная,
                    скромная,
да своя.
Горемычная,
                    бездомная...
Так и я
не подьемлю взора
                    зорькою
от земли
с той поры,
    как вести горькие
дотекли.
Изливали слезы солоны
жаль-тугу —
с той поры
    глядеть на солнышко
не могу.

и делам.
Студно душам
                                без печальника
и телам.
И заступничества
                                ярого
мы, грешны,
перед Богом
                                и боярами
лишены,
и благого поспешения
твоего —
за какие прегрешения,
отчего?
Переимет
                                на престоле кто
твой почин?
Отчего
                                не в нашей доле ты
опочил?
Сотворитель
                                Божьих росчистей
меж племен
вдалеке
                                от наших почестей
погребен!
Что волос —
на пясти лить елей —
в помазке,
архипастырей-
                                святителей
по Москве.
А у нас
                                во свете истины
был один
исповедник
                                и единственный
господин

после Господа...
Не нас казнит
твой покой.
Человек не верит
рассказни,
всё — рукой.
И когда примера
вещного
нет на взор,
повергается
навечное
на позор...
Ветки свежей
не сломало бы
на кошли.
Оборону
стаду малому
ниспошли!
Стаду грешному,
небрежному —
ровный путь.
И молитвой нас
по-прежнему
не забудь!

А н н а:

— Коми, вятичи,
славяне ли —
испроси
Божьего
благословения
всей Руси!

1993 — 1996 гг.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И СЛОВАРНЫЕ СПРАВКИ

к стр. 7

«...посвятил его в иеромонахи...» — иеромонах — поп-чернец, монах-священник;

к стр. 8

«...новгородских ушкуйников...» — ушкуй — новгородская легкая ладья. Новгородцев, ходивших в ладьях-ушкуях в военные походы, называли ушкуйниками;

к стр. 12

«...сидящих одесную...» — по правую руку;

к стр. 13

«Коварный Омэль выучил тебя...» — Ен и Омэль — два птенца, согласно верованиям пермян, рожденные уткой и создавшие мир, олицетворяют два противоположных начала: жизни и смерти, добра и зла, правды и неправды, дня и ночи;

к стр. 14

«...вредительница Ёма в шкуре белки...» — Ёма — властительница зверей, живущая в лесной избушке, содержащая в ней животных, лягушек и насекомых и вредящая людям, своеобразный аналог бабы-яги из русских сказок;

к стр. 15

«...сожидать в земле...» — сожидать — выжидать, или ждать до прихода кого;

к стр. 17

«...на яру широкой Эжвы...» — яр — крутой берег реки; Эжва (светлая вода) — коми название Вычегды;

к стр. 20

«Поистине — за Пьяною пьяны...» — в битве на реке Пьяне в 1377 году ордынцами была разгромлена нижегородская рать. А через год на реке Воже сокрушительное поражение потерпела ордынская рать мурзы Бегича. Некоторые историки приходят к выводу, что именно к этому времени было достигнуто наивысшее объединение русских сил и что именно к этой битве относится известное благословение великого князя Дмитрия Сергием Радонежским. Впрочем, это лишь помогает понять, насколько велики были подвиг и жертвы тех, кто через два года в составе меньшего по числу войска вышел на Куликово поле..;

к стр. 21

«...смирная непокорные улусы...» — улус (монгольск.) — собрание юрт, стойбище; шире — страна, область, подчиненная единому управлению;

«...и в черные убрusy...» — убус — плат, платок;

к стр. 22

«...смирение святителя Петра...» — незадолго до своей кончины, последовавшей в 1326 году, митрополит Петр, позднее также канонизированный, переехал в Москву, где и был погребен. Это содействовало переносу в Москву митрополичьего престола и укреплению ее лидерства во Владимирской Руси;

к стр. 23

«...чума семейство Симеона захлестнула...» — старший сын Ивана Калиты Симеон Гордый предшествовал на княжеском столе своему брату, отцу Дмитрия Донского, Ивану Красному, и вместе со всей семьей в 1353 году погиб от моровой язвы;

«...возложил на рамена...» — рамена — плечи;

к стр. 26

«...Иеродиакон обители Григорья Богослова...» — иеродиакон — монах, посвященный в дьяконы;

«...саккос митрополичий ему...» — саккос — одежда высшего духовенства;

к стр. 27

«...Заглазно — блазно. Выспроси назрячь. Здесь я Господней воле не толмач...» — блазнить — соблазнять, искушать, наводить на грех; назрячь — здесь воочию; толмачить — толковать, объяснять;

к стр. 29

«...народы Иафетова колена...» — «Повесть временных лет» гласит: «После потопа трое сыновей Ноя разделили землю — Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу... Хаму же достался юг... Иафету же достались северные страны и западные...»;

к стр. 31

«Пятнадцать лет мы пишем за Москвою...» — «Лета 6872 (1364 год — прим.ред.) князь великий Дмитрий Иванович взверже гнев на князе на Ростовского Костентина и взял от тово Ростов и Устюг и пермские мesty устюгские...» (Вычегодско-Вымская летопись);

«...все терпят харатья и береста...» — харатья — пергамент;

к стр. 32

«...давать в ордынский выход черный бор...» — ордынским выходом называлась дань, собираемая для Орды, черный бор — налог, сборы с черных, крестьянских волостей;

к стр. 33

«Ростова переломленный хребет...» — вскоре после своего вокняжения Иван Данилович Калита купил в Орде ярлык и на княжение Ростовское. Жестокий сбор

ордынского выхода довершил разорение Ростовского княжества, после чего Ростов Великий потерял свою прежнюю роль;

к стр. 38

«...тебе ровесный мученик Стефан...» — то же имя носил тридцатипятилетний архидиакон, который был обвинен фарисеями в хуле на Бога и Моисея, побит камнями и считается у христиан первомучеником;

к стр. 51

«...и требовали даней тиуны...» — тиун — приказчик, управитель;

к стр. 52

«...Роскошные онучи сочиня, сошьем тебе порты и ноговицы...» — онучи — портянки, подвертки; ноговица — часть одежды и обуви, покрывающая голень;

к стр. 61

«...сброшенному сметью...» — сметье — сор, пыль, дрянь, или все, что выметается из избы;

к стр. 70

«И занялось, как сорная костра...» — костра — отбросы льна, конопля;

к стр. 72

«...закаменское дальнее законье!» — законье — то, что за коном, за границей;

к стр. 76

«Воразумила мать Одигитрия...» — Одигитрия — в переводе с греческого «Путеводительница» — икона Богородицы с младенцем на руках, указывающей путь;

к стр. 77

«...с оружными вогулами...» — вогулы — финно-угорское племя, жившее на Северном Урале. В 1385 году вогулы напали на земли вычегодской перми и, по преданию, устранившись вышедшего им навстречу Стефана, бросились бежать, оставив все награбленное;

к стр. 85

«...Скрепи его телесное соузь...» — соуз — сочлененье, сустав, связь;

к стр. 91

«Тебя ли за прельщение окаять...» — окаивать, окаянный — црк. признать отверженным или достойным проклятия, отчуждения;

«...под сенью осокоревых свечей...» — осокорь — ж., тополь;

к стр. 93

«...сухарой на горелом пустыре...» — сухара — сухостойна, сухое или обгорелое дерево на корню;

к стр. 94

«...Расшаяла небесная лучина...» — шаять — тлеть;

к стр. 95

«Но следуя исчадие хаоса...» — следовать — здесь разыскивать, дознавать, разбирать;

к стр. 100

«...когда его пришли соборовать...» — совершать церковное таинство елеосвящения;

к стр. 104

«Людоугодная наличень...» — здесь маска;

к стр. 105

«...нежданный натиск Тохтамыша — Москва дотла...» — в августе 1382 года Москва была разгромлена набегом хана Тохтамыша, который потребовал от русских князей покорности на основаниях, существовавших до Куликовской битвы;

к стр. 108

«...святую згу...» — зга — здесь кроха, капля, искра;

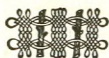
к стр. 111

«...солнце Ханаана...» — Ханааном в Библии называется Палестина.

*Словарные справки подготовлены
по «Толковому словарю
живого великорусского языка»
Владимира Даля.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

К духовным высотам	5
Успение Стефана Пермского. <i>Драматическая поэма</i>	11
Пролог	12
Действие первое	20
Действие второе	42
Действие третье	70
Действие четвертое	98
Эпилог	119
Исторические и словарные справки	123

86.3 72

P 24

Художник В. В. Токарев

Расторгуев А. П.

P 24 Успение Стефана Пермского. Драматическая поэма.— Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1996.— 128 с.

Поэма посвящена переломному времени, рубежу двух эпох в истории древнего народа коми: на смену язычеству пришла христианская православная вера. Главные герои поэмы — святитель Стефан Пермский и Пам. В поэме они выступают достойными соперниками, каждый по-своему желающими добра коми народу.

Поэма Андрея Расторгуева признана лучшей в конкурсе на лучшее литературно-художественное произведение, посвященное 600-летию со дня успения просвятителя Стефана, епископа Пермского.

86.3 72

P $\frac{4702010204 - 012}{M 128 (3) - 96}$ 17 - 96 м

ISBN 5-7555-0576-4

- © Расторгуев А. П., поэма, 1996
- © Токарев В. В., оформление, 1996
- © Коми книжное издательство, 1996

Литературно-художественное издание

Андрей Петрович Расторгуев
УСПЕНИЕ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Драматическая поэма

Редактор П. М. Столповский
Художественный редактор Г. Н. Шарипков
Компьютерная верстка - В. В. Осипов
Корректоры Н. Ф. Габова,
Э. С. Грегер, Е. С. Панюкова

ЛР № 010039

Сдано в набор 29.03.96. Подписано к печати 10.04.96. Формат 84/100/32. Бумага мелованная. Гарнитура Карелия. Печать офсетная. Усл. печ.л. 6,24. Усл.кр.-отт. 6,63. Уч.-изд.л. 7,2. Тираж 1500. Заказ № 1180

Коми книжное издательство, 167610, г.Сыктывкар, ул. К.Маркса, 229.

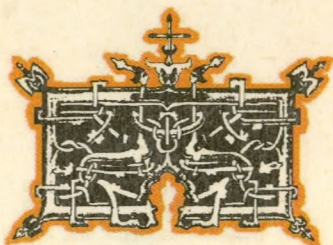
АО «Коми республиканская типография»,
167610, г.Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

5=40

Коми
книжное
издательство

1996

